

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

К.С. ГРИГОРЬЕВА

Постконфликтная адаптация сельского населения Чеченской Республики*

Исследование проблемы адаптации населения к социальным реалиям, складывающимся после вооруженных конфликтов, имеет длительную историю. Достаточно указать, например, на серию фундаментальных исследований классика социологии П. Бурдьё [Bourdieu, Sayad, 1964] и других французских ученых [Frémeaux, 2002; Agéron, 2005; Pervillé, 2007], посвященных анализу влияния войны в Алжире на социальную структуру и социальные практики сельского населения. Точно так же анализируются аналогичные последствия арабо-израильского конфликта [Tessler, 1994; Lesch, 2006; Pappé, 2006], конфликта в Северной Ирландии [Kelley, 1982; Darby, 1986; O'Leary, McGarry, 2008].

Что же касается вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики (ЧР) и его последствий, то на сегодняшний день они остаются практически не изученными. Существует, конечно, обилие публицистических работ на данную тему, но собственно научные исследования, за исключением трудов В. Тишкова, Л. Басхановой и отдельных публикаций Института этнологии и антропологии РАН [Тишков, 2001; Басханова, 2004; Чечня... 2001; Пути... 1999], практически отсутствуют. Вплоть до настоящего момента на территории республики не велось каких-либо серьезных эмпирических исследований¹. В результате чего российское общество, по существу, не имеет верифицированной информации о социальных процессах, происходящих в ЧР в постконфликтное время. Данная статья – попытка первичного анализа влияния военного конфликта на функционирование социальных институтов и социальных практик сельского населения Чеченской Республики. В ее основу легли материалы полевого исследования, осуществляемого в рамках лонгitudного научного проекта по изучению последствий вооруженного конфликта в Чеченской Республике².

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 09-03-00376а).

¹ Исключение составляют: мониторинг общественного мнения, проводимый республиканским информационно-аналитическим центром «Ала»; проект по изучению общественного мнения ЧР накануне референдума 2003 г., проведенный социологической службой Validada, и проект «Чечня в социокультурном пространстве Российской Федерации: этносоциологический анализ», в ходе которого население республики было опрошено на предмет электоральных предпочтений накануне президентских выборов.

² В качестве объекта изучения была выбрана станица Дубовская Шелковского района – населенный пункт средних размеров неподалеку от чечено-дагестанской границы, в котором на 1 июля 2009 г. проживало 2134 человека. Исследование осуществлялось в июле–сентябре 2009 г. методом включенного наблюдения, глубинного интервьюирования (95 чел.), проведения фокус-групп (16 фокус-групп) и изучения документов, содержащих сведения о жизни станицы, функционировании школы и занятости населения в период с 1983 по 2009 г.

Станица Дубовская, 1980-е гг.

Станица Дубовская – поселение на территории Шелковского района, который исторически считался наиболее интегрированной частью Чечено-Ингушской АССР и Чеченской Республики, соответственно, в советское, а затем и в российское пространство. Во время военных кампаний активных боевых действий на его территории не велось, но вооруженный конфликт здесь проявился в усугублении криминогенной обстановки, воздушных обстрелах, предшествовавших вводу войск, расквартировании военных частей в населенных пунктах, введении комендантского часа, паспортного режима, установке блокпостов на дорогах, нападениях боевиков на представителей силовых структур и адресных зачистках.

До войны Дубовская представляла собой типичный советский сельский населенный пункт, управлявшийся станичным Советом народных депутатов. Большинство трудоспособного населения работало в колхозе. На территории станицы имелся дом культуры, школа, библиотека, продовольственный и промтоварный магазины, почта, узел связи, пошивочная мастерская, фельдшерско-акушерский пункт. В станице проживали русские, чеченцы, даргинцы, казаки, аварцы, кумыки, ногайцы.

Жизнь станичников была довольно четко организована. Один из главных центров, вокруг которых строилась жизнь населения Дубовской, – колхоз “Путь к коммунизму”, где работали не только дубовчане, но и жители соседней станицы Бороздиновской. Из трудоспособного населения Дубовской, в 1980-е гг. составлявшего примерно 1,3 тыс. человек, в колхозе стабильно числились около 950 человек.

“Путь к коммунизму” представлял собой достаточно крупное сельскохозяйственное предприятие. В его ведении находились овцеводческая, молочно-товарная, свиноводческая, коневодческая и птицеводческая фермы, зерносклад, четыре отряда механизаторов, виноградная и огородная бригады, строй- и хозбригада, гараж и детский сад. Колхозу принадлежало 28,6 тыс. га земли, в том числе 23,9 тыс. га сельскохозяйственных угодий. До начала 1990-х гг. во владении колхоза находились около 2,5 тыс. голов крупного рогатого скота, около 40 тыс. овец и 10 тыс. свиней.

Об организующей роли колхоза можно судить по административным документам, сохранившим сведения о жизни станицы в 1983–1992 гг. Из них следует, что в колхоз обращались практически по всем социально-значимым вопросам. Обычно, обсудив накопившиеся проблемы, Дубовской Совет народных депутатов обращался к колхозу с требованием о решении значительной их части. В качестве примера приведу ряд пунктов решения сессии Дубовского станичного совета от 10 сентября 1987 г.: “П.2: Правлению колхоза оказать срочную помощь в ремонте кочегарки ДК. П.4: Правлению колхоза сделать противопожарное устройство в новом здании Узла связи. П.7: Просить правление колхоза выделить квартиру для молодых учителей. П.8: Обязать дирекцию школы срочно закончить ремонт кочегарки, а правлению колхоза оказать практическую помощь в подсоединении кочегарки к новой водопроводной системе. П.10: Обязать правление колхоза отремонтировать полы в фельдшерско-акушерском пункте”.

Колхоз занимался общим благоустройством станицы: выделением тракторов с лафетами на время санитарно-очистительных мероприятий, ремонтом и асфальтированием дорог и улиц. Колхоз участвовал в трудовом воспитании подрастающего поколения: его представитель преподавал старшеклассникам курс вождения трактора, а с пятого класса школьники на время летних каникул привлекались к полевым работам. Колхозом же выделялись необходимые продукты для массовых торжеств, свадеб и похорон, он предоставлял транспорт для организации экскурсий и иных поездок жителей станицы. Кроме того, колхоз был универсальным местом трудоустройства станичников, поглощая все “излишки” трудовых ресурсов. В соответствии с государственной политикой СССР, исходящей из принципа всеобщей занятости населения, станичная комиссия по трудоустройству, работавшая при Дубовском Совете народных депутатов, устраивала на работу в колхоз даже не самых благонадежных работников, ранее уволенных за пьянство и систематические прогулы.

В целом можно сказать, что колхоз был центральной организацией станицы, в тесной связи и в зависимости от которой находились все прочие ее организации. Будучи ее структурным центром, колхоз оказывал значительное влияние не только на трудовую сферу, но и на сферу образования, досуга, бытовую и повседневную жизнь людей.

Организирующие функции выполняла и школа. В 1980-е гг. в Дубовской средней общеобразовательной школе (СОШ) насчитывалось около пятисот учащихся. Она была неплохо укомплектована педагогическими кадрами, в школе работали пожилые учителя с высшим педагогическим образованием и большим стажем работы. Так, согласно сведениям, сохранившимся в лицевых счетах, в СОШ трудились более 20 учителей с высшим образованием; 14 имели стаж свыше 20 лет и 3 человека – свыше 10 лет.

К процессу обучения подрастающего поколения станичный аппарат управления относился ответственно. Школа курировалась комиссией по народному образованию и культуре, действовавшей при станичном Совете народных депутатов. На сессиях Совета регулярно заслушивались доклады членов комиссии и директора Дубовской СОШ. Случаи непосещения школы, низкой успеваемости и плохого поведения учащихся обсуждались на заседаниях исполкома Совета. Представители исполкома и комиссии не оставляли вниманием семьи школьников, нерегулярно посещавших школу и плохо учившихся. Сначала родителям рекомендовалось провести с детьми воспитательную беседу и лучше следить за их успеваемостью. Если это не помогало, с родителями неуспевающих школьников проводили беседу на работе (чаще всего в колхозе). Если же и это не давало желаемого эффекта, то родителей нерадивых учеников штрафовали. К примеру, в 1985 г. плохая успеваемость, нерегулярное посещение школы и недостойное поведение на уроках грозило родителям школьника штрафом от 25 до 30 рублей.

Дубовскую школу ежегодно заканчивали примерно 85 человек. Из них полное среднее образование получали около 35 человек, остальные же удовлетворялись неполным средним образованием. Принимали решение о продолжении обучения в вузах и СПТУ в среднем по 20 человек. Многие из выпускников, получив диплом, шли работать в колхоз. При этом юноши обычно сначала служили в армии, а вернувшись, начинали трудиться. По воспоминаниям жителей станицы, выпускники, серьезно относившиеся к учебе и желавшие продолжить образование, без труда поступали в российские вузы и училища на общих основаниях. В целом можно заключить, что в 1980-е гг. станичная школа вполне успешно выполняла как функцию интеграции дубовских школьников в общее тогда еще советское пространство, так и функцию “социального лифта”, которым ее выпускники могли воспользоваться наравне с выпускниками школ других российских регионов.

В Дубовской проживало смешанное население, поэтому говорить о существовании в ней некой единой модели семьи едва ли возможно. Естественно, что семейные уклады дагестанцев и чеченцев значительно отличались от русских и казачьих. Для первых двух этносов была характерна четкая иерархия внутрисемейных связей: существенная дистанция, соблюдаемая женщинами по отношению к мужчинам, детьми по отношению к родителям, младшими детьми по отношению к старшим. В то же время в русских и казачьих семьях разделение по гендерному и возрастному признакам хоть и присутствовало, но было значительно мягче. Кроме того, в дагестанских и чеченских семьях обычно было гораздо больше детей, нежели в русских и казачьих, а девушки из чеченских и дагестанских семей раньше выдавались замуж. Для нерусских дубовчан семья была тем социальным пространством, где хранились и прививались модели поведения, принятые в этнических группах, к которым они принадлежали. В семье сохранялись и передавались национальные языки, тогда как общепринятым языком общения вне дома являлся русский.

Вместе с тем, вследствие совместного проживания, представители разных этнических групп перенимали друг у друга элементы моделей бытового поведения. Так, иерархичность чеченских и дагестанских семей, живущих в Дубовской, была менее

жесткой, нежели иерархичность, соблюдаемая в чеченских и дагестанских семьях из горных сел. Аналогичным образом девушки из русских и казачьих семей воспитывались строже, нежели русские и казачки, проживавшие в других регионах. Так, представительницы русских семей, уехавшие из Дубовской в сельские населенные пункты других регионов России, вспоминают, как были шокированы поведением местной молодежи, в частности тем, что девушки прилюдно могли обниматься с юношами.

Кризис и вооруженный конфликт

С началом перестройки в Дубовской, как и по всей стране, стал ощущаться сначала экономический, а затем и политический кризис. Дефицит на все виды товаров, резкое сокращение государственной поддержки и финансирования уже к концу 1980-х гг. привели к частичной потере управляемости станицей, нарушению ранее устойчивой и размеренной жизненной ее организации. Эти процессы нашли отражение в Протоколе № 14 четырнадцатой сессии станичного Совета народных депутатов от 25 августа 1989 г.: “На базарах, на складах все стало проблемой: пусто, брать нечего. Нет товаров первой необходимости. С 1987 по июль 1989 г. поступило стиральных машинок 60 штук, пылесосов 28 штук, швейных машинок 3... Очередность на стиральные машинки 135 человек, на пылесосы 35 человек и на швейные машинки 19 человек. Как вы знаете, проблема сейчас и мебель, и холодильники, не говоря уже о моющих средствах, которые поступают с большими перебоями... Совет сегодня не имеет возможности самостоятельно сам решать вопросы комплексного развития в своей станице. Почему? У нас нет ни материальной, ни финансовой, тем более ни кадровой базы. Все права у Совета внешние”.

Прежде стабильное и отлаженное функционирование центральной организации Дубовской – колхоза – было нарушено переводом на полный хозрасчет. Переход на новую систему хозяйствования сразу повлек за собой ранее неизвестные Дубовской сложности с трудоустройством жителей. Так, в протоколе № 3 заседания исполнительного комитета станичного Совета от 21 марта 1989 г. можно обнаружить следующую информацию: “Имеются серьезные недостатки по совершенствованию системы трудоустройства высвобождающихся работников в новых условиях хозяйствования. Увеличение зарплаты, как правило, ведется не путем расширения производства, а путем сокращения численности работающих”. Протокол № 14 от 25 августа 1989 г. фиксирует ту же тенденцию: “Возникла проблема трудоустройства молодежи призывного возраста. С переходом на полный хозрасчет не каждая бригада берет их к себе... По сравнению с 1987–1988 годом труднее трудоустроить в 1989 году”. Всего за два года численность дубовчан, работающих в колхозе, сократилась с 962 в 1988 г. до 777 человек в 1990 г.

Год спустя в стране разразился полномасштабный политический кризис, который на территории Чечено-Ингушской АССР вылился в противостояние между Верховным советом этой республики и сторонниками Д. Дудаева. В октябре 1991 г. Шелковской районный совет бойкотировал выборы президента и парламента самопровозглашенной Чеченской Республики (ЧР), после чего в Дубовской начались политические баталии между теми, кто поддерживали бойкот и теми, кто выступали против бойкотирования выборов. По воспоминаниям жителей станицы, политические изменения привели в движение все население. Как и жители других станиц Шелковского района, дубовчане постоянно ездили на митинги, собирались на сходы для обсуждения текущих событий.

После победы сторонников Дудаева и роспуска Верховного совета ЧР прежняя система местного самоуправления – Советы народных депутатов – была упразднена. В феврале 1992 г. в Дубовской состоялись выборы в новый орган местного управления – администрацию местного самоуправления станицы.

Бурные политические и социальные изменения в Чеченской Республике привели к ослаблению до того достаточно жесткой системы контроля над колхозными хозяйствами. В результате в начале 1990-х гг. в колхозе “Путь к коммунизму”, как и в других

аналогичных хозяйствах района, участились случаи хищения колхозного имущества, получила широкое распространение практика несанкционированной продажи скота и техники. Сохранившиеся документы фиксируют стремительно набирающий обороты процесс разрушения центральной организации Дубовской. Из Решения № 2 Дубовской администрации от 17 февраля 1993 г., в частности, явствует: “В республике и в том числе в районе сложилось очень тяжелое положение на грани краха всего общественного производства. В нашем колхозе тоже сложилось чрезвычайное положение. Значительно сократилось поголовье скота, овец, свиней. Реализуется колхозная продукция по пониженным ценам, тогда как жители села не всегда могут ее купить. Для предотвращения дальнейшего сокращения производства, а следовательно, и занятости населения Собрание местного самоуправления РЕШАЕТ (так в оригинале. – К.Г.) :

Запретить колхозу реализацию скота, овец, свиней. В случае острой необходимости реализовать только жителям села и колхозникам. Для обеспечения сохранности скота, овец, свиней произвести пересчет и закрепление поголовья за материально ответственными лицами. Заслушать отчет правления колхоза на колхозном собрании до 15 марта 1993 года. Поручить ревизионной комиссии в колхозе провести ревизию по деятельности колхоза за 1992 год. Доложить результаты ревизии на общеколхозном собрании”.

Разразившийся в 1994 г. вооруженный конфликт придал движению колхоза к упадку необратимый характер. Образовавшийся вскоре после начала военных действий вакуум устойчивого властного и правового контроля привел к тому, что масштабы хищений колхозного имущества резко возросли. По воспоминаниям жителей станицы, в них участвовали: пришлые криминальные группы, нападавшие на кошары и угонявшие скот; руководство колхоза, потихоньку распродававшее имущество; новое республиканское руководство, требовавшее от колхозов материальных субсидий на военные нужды; просто рядовые колхозники. Помимо масштабных хищений, упадку хозяйства способствовало установление чрезвычайного положения, закрытие границ между населенными пунктами, отсутствие государственной поддержки.

О темпах разрушения колхозного хозяйства можно судить по динамике сокращения занятости. За девять лет с 1990 по 1998 г. общая численность колхозников (дубовчан и работавших в хозяйстве бороздиновцев) сократилась почти в четыре раза: с 1110 до 263 человек. К 1998 г. имущество госхоза “Дубовское”, в который колхоз “Путь к коммунизму” был преобразован в 1992 г., состояло всего из 330 голов крупного рогатого скота и 1881 овцы. Свинотоварная ферма прекратила свое существование по распоряжению властей самопровозглашенной ЧР, заявивших, что в шариатском государстве не должно быть предприятий по выращиванию свиней. Из четырех овцеводческих ферм осталась одна. Не стало виноградной и огородной бригад. Из четырех отрядов механизаторов сохранился один, но и в нем числились лишь 10 человек. Перестал работать колхозный детский сад.

Начавшаяся в 1999 г. вторая чеченская кампания нанесла очередной удар по госхозу. За это время была уничтожена часть хозяйственных построек, в очередной раз прервалось сообщение между населенными пунктами, вновь было введено военное положение. Общее количество трудившихся в хозяйстве сократилось еще на треть, составив 184 человека. В дальнейшем эта цифра продолжала снижаться.

Итак, уже к концу 1990-х гг. организация, игравшая центральную роль в жизни населения Дубовской и оказывавшая структурирующее воздействие на функционирование всех прочих организаций станицы, пришла в упадок. Разрушение колхоза повлекло за собой крушение системы начального образования в станице – в 1995 г. закрылся детский сад. Система среднего образования под воздействием кризиса и вооруженного конфликта подверглась существенной деформации. Еще до начала военных действий в Дубовской СОШ значительно увеличилась текучесть кадров: за 1991–1992 гг. из школы уволились 13 учителей. Первая чеченская кампания вызвала волну массовых увольнений: в 1993 г. количество уволившихся составило 13 человек, а на следующий год – еще 11 (для сравнения: в советское время текучесть кадров составляла от 1 до 4 человек в год). Заполнить открывшиеся вакансии дирекция Дубовской СОШ не смог-

ла: в 1993–1994 гг. на работу были приняты только 10 новых преподавателей, причем часть их не имели педагогического образования: учителями математики, физики и начальных классов стали жители станицы, имевшие непрофильное высшее образование.

С открытием военных действий станицу покинули немало учителей и учащихся. Кроме того, часть школьников, остававшихся в станице, родители не пускали в школу, опасаясь за их безопасность. Уменьшение численности учащихся и недостаток педагогических кадров фиксируют документы Дубовской СОШ за 1994–1995 гг. Затем отток педагогических кадров несколько замедлился, хотя и не прекратился: на 1995 г. пришлось четыре увольнения, на 1996 – три. При этом впервые с начала десятилетия Дубовской СОШ удалось восполнить годовую убыль учителей: в 1995–1996 гг. на работу были приняты 10 преподавателей.

Однако после провозглашения независимости Ичкерии последовала вторая волна массовых увольнений: в 1997 г. из школы уволились 11 учителей, директор и его заместитель, а в следующем году заявление об уходе подали еще 9 педагогов. В этот период учителя, как и другие сотрудники бюджетных организаций, перестали получать зарплату из федерального центра. Чтобы школа полностью не прекратила работу, родители учеников вынуждены были собирать деньги на зарплату педагогам, продолжавшим трудиться. К августу 1998 г. в Дубовской СОШ оставалось всего 12 учителей. Причем лишь двое из них имели профильное высшее образование, один – незаконченное высшее и трое – среднее специальное. У остальных было только общее среднее образование.

Впрочем, и учить стало практически некого. В 1997–1998 гг. в очередной раз сократилось количество учащихся, так как многие родители не имели средств, чтобы отправить детей в школу. Эту ситуацию также фиксируют документы Дубовской СОШ. Всего же, как явствует из решения Дубовской администрации от 25 августа 1998 г., в школе числились 380 учеников, причем ожидалось, что не менее 40 из них не “смогут посещать занятия... из-за отсутствия одежды и обуви”.

С началом второй военной кампании, когда федеральный центр возобновил выплаты зарплаты бюджетникам, ситуация с текучестью кадров в Дубовской СОШ стабилизировалась. Количество увольнений, снизившееся в 2002 г. до 1–4 человек в год, перекрывалось набором новых преподавателей, и жесткий дефицит педагогов был ликвидирован. Однако годы кризиса и вооруженного конфликта серьезно сказались на качестве педагогического состава. В период острой нехватки кадров школьные вакансии продолжали заполняться лицами, не имевшими ни высшего, ни среднеспециального профильного образования. В списке приказов о приеме на работу в Дубовскую СОШ с 1995 по 2001 г. можно обнаружить бывших библиотекарей, секретарей, лаборантов, студентов-заочников младших курсов вузов и средних специальных учебных заведений, а также просто людей с полным средним образованием. Многие из них так и остались работать в школе. И хотя все они впоследствии заочно окончили педагогические вузы и техникумы, очевидно, что качество образования, получаемого заочно в регионе с разрушенной в значительной мере системой образования, не могло быть высоким.

Вследствие вооруженного конфликта в Дубовской начался процесс этнической унификации населения. После того, как станицу покинули многие русские, казацкие и дагестанские семьи, большинство ее жителей составили этнические чеченцы. При этом вновь прибывающие семьи – в основном, выходцы из горных районов, отличались гораздо более жестким традиционным жизненным укладом, нежели старожилы Дубовской. В частности, семьи новоселов были более жестко иерархизированы, их отличала крайне низкая степень свободы и детей, и женщин. Кроме того, по мнению старожилов, “пришлые” были плохо образованы и “малокультурны”. В итоге, несмотря на начавшийся процесс этнической унификации станицы, население Дубовской разделилось на две части: живших здесь до войны и недавних переселенцев. К вновь прибывшим жителям “коренные” станичники относились с недоверием и не стремились поддерживать с ними тесные контакты.

Появление значительного количества населения с более традиционалистскими моделями поведения сказалось на общей жизненной организации Дубовской. В частности, девушек из семей старожилов (как чеченских и дагестанских, так и русских семей) старались реже выпускать на улицу, особенно в одиночестве, опасаясь сплетен или того, что “кто-нибудь пристанет”. В целом, по мнению старожилов, атмосфера в станице стала гораздо менее свободной, чем раньше.

На этом фоне интересна появившаяся в последние годы тенденция к резкому повышению количества ранних замужеств. Так, по утверждению большинства респондентов, в 1980-е гг. ранние браки хоть и заключались, но были редкостью и обычно скрывались. Последнее во многом было связано с тем, что, согласно советскому законодательству, заключение брака с девочками школьного возраста строго запрещалось и достаточно жестко преследовалось. В настоящее же время немало школьниц выходят замуж в 7–9 классах. Достаточно сказать, что за время моего пребывания в Дубовской были выданы замуж две школьницы 8-го и 9-го класса. Еще одну девятиклассницу “украли” с целью заключения брака, но она была возвращена родителями.

Отношение взрослого населения станицы к подобным детским замужествам разнится. Часть родителей недовольны таким оборотом дел, считая, что раннее заключение брака не только мешает девушкам получить образование³, но и “дорастит” до того возраста, когда они смогут полноценно исполнять роль жены и матери. Другие, напротив, одобрительно относятся к ранним бракам, при условии, что девочка попадает в семью с достатком и пользующуюся уважением. По мнению этой части родителей, если девочку “выдать” в такую семью, она будет “пристроена”, и ее будущее станет определеннее.

Другая характерная тенденция послевоенного периода – рост числа полигамных браков. По свидетельству респондентов, отдельные случаи двоеженства отмечались и ранее, но, так же как и ранние браки, были достаточно редки. В настоящий же момент двоеженство получило широкое распространение и перестало быть чем-то экстраординарным. Увеличение случаев двоеженства и готовности женщин играть роль второй жены, как и одобрение родителями ранних браков дочерей, по свидетельству наших респонденток, в первую очередь, связано с нехваткой мужчин, имеющих устойчивое материальное положение и высокий социальный статус. Установившийся во время кризиса и вооруженного конфликта жесткий дефицит рабочих мест и формирование широкого слоя молодежи, не получившей ни качественного образования, ни квалификации, обуславливают тот факт, что прослойка людей, занятых на постоянной хорошо оплачиваемой работе, исключительно узка. Так, на сегодняшний день в Дубовской из 1176 человек трудоспособного возраста 976 – безработные. Основные места трудоустройства: госхоз “Дубовское” (60 человек), местная администрация (8 человек), школа (46 человек), милиция (7 человек), а также почта, библиотека и Культурный Казачий центр (12 человек в совокупности).

Возможности же трудоустройства или продолжения дубовчанами образования в других регионах РФ очень ограничены, так как в массе своей они не обладают ни необходимыми профессиональными навыками, ни достаточным уровнем общего образования (эта ситуация характерна для всей ЧР). Ведь подорванная за годы кризиса и вооруженного конфликта система среднего образования Дубовской так и не восстановлена в полном объеме. Это наглядно подтвердили результаты ЕГЭ, проведенного в 2009 г.: трое из 17 выпускников не смогли справиться с экзаменами (двое учащихся провалили и русский язык, и математику, один – русский язык). Из 15 выпускников, получивших положительные оценки, лишь один смог сдать русский язык на “четверку”, тогда как все остальные получили “тройки”. А ЕГЭ по математике ни один выпускник не смог сдать выше, чем на “тройку”⁴.

³ Девочки, вышедшие замуж, исключаются из школы и могут получить среднее образование только экстерном или посещая занятия по вечерам.

⁴ Это – неплохой результат, если сравнивать его с результатами сдачи ЕГЭ по республике в целом: 43,6% всех чеченских выпускников 2009 г. не смогли справиться с экзаменом по русскому языку и 11,4% – провалили математику.

Таким образом, можно говорить о том, что Дубовская СОШ, которая до вооруженного конфликта серьезно не уступала в качестве образования другим региональным школам РФ, после конфликта перестала адекватно выполнять соответствующие функции. Ее выпускники не могут конкурировать с выпускниками других российских школ и не имеют прямой возможности использовать полученное образование в качестве “социального лифта”.

Подводя итог, можно заключить, что кризис и вооруженный конфликт привели к значительной трансформации социальных институтов и социальных практик населения Дубовской. Почти полностью была разрушена центральная организация станции – колхоз, игравший ключевую роль в жизни дубовчан. Это привело не только к резкому сокращению занятости населения и появлению массовой безработицы, но и нанесло удар по всем прочим организациям Дубовской, зависимым от колхозной поддержки и ресурсов.

Упадок колхозного хозяйства повлек за собой разрушение станичной системы начального и деформацию общего образования. Вследствие массовых увольнений и отъезда учителей серьезный урон был нанесен кадровому составу школы. Несмотря на то, что за последние годы дефицит преподавательских кадров был восполнен, резко упавшее качество образования до настоящего времени не смогло восстановиться.

Кризис и вооруженный конфликт привели также к массовому отъезду из Дубовской русских, казачьих и дагестанских семей. С прибытием туда жителей из горных районов республики произошло разделение ее населения на “старожилов” и “новоселов”. Будучи носителями более жесткой традиционалистской системы норм и правил, вновь прибывшие жители внесли свои элементы бытового поведения, в частности углубив и акцентировав гендерную иерархию.

С возникновением массовой безработицы и резким снижением материального достатка в семьях распространение получили ранние замужества и случаи двоеженства, обусловленные дефицитом хорошо зарабатывающих статусных мужчин. Кризис и вооруженный конфликт привели к появлению значительной массы молодых людей, не обладающих ни достаточным уровнем образования, ни необходимой квалификацией для позитивной самореализации как в республике, так и за ее пределами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басханова Л.С.-Э.* Чечня: общественное мнение в условиях вооруженного конфликта. 2004 (http://ippk.edu.mhost.ru/elibrary/elibrary/uro/uro_21/uro_21_predislovie.htm).
- Пути мира на Северном Кавказе. М., 1999.
- Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.
- Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001.
- Agéron C.-R.* De l'Algérie “française” à l'Algérie algérienne. Paris, 2005.
- Bourdieu P., Sayad A.* Le deracinement. La crise de l'agriculture traditionnelle en Algérie. Paris, 1964.
- Darby J.* Intimidation and the Control of Conflict in Northern Ireland. Dublin, 1986.
- Frémeaux J.* La France et l'Algérie en guerre. Paris, 2002.
- Kelley K.* The Longest War: Northern Ireland and the IRA. Kerry, 1982.
- Lesch A. M.* Origins and Development of the Arab-Israeli Conflict. Westport (Conn.)–London, 2006.
- O'Leary B., McGarry J.* Understanding Northern Ireland: Colonialism, Control and Consociation. London, 2008.
- Pappe I.* The Making of the Arab–Israeli Conflict, 1947–1951. London 2006.
- Pervillé G.* La guerre d'Algérie. Paris, 2007.
- Tessler M.* A History of the Israeli-Palestinian Conflict. Bloomington–Indianapolis, 1994.